СКАЗКА

Иван Алексеевич Бунин

Оригинал здесь: Электронная библиотека Яблучанского.

Идут с севера тучи и закрывают запад, который еще дает неверный свет деревенской грязной улице. В избе почти темно.

Баба разводит огонь на загнетке: набила в чугун яиц, хо-чет делать яичницу. В другом чугуне, щербатом, она принес-ла из лавки два фунта гречневой крупы. Она поставила его на нары, и ребятишки, один за другим, заголяясь, сошмыгнули с печки, сели вокруг чугуна, горстями, торопливо едят сырую крупу, закидывая назад головы, и от жадности де-рутся.

На лавке возле стола, облокотясь на подоконник, сидит мелкопоместный барин, в глубоких калошах, в теплой под-девке и каракулевой шапке. Ему двадцать лет, он очень ве-лик, худ и узкогруд. Глаза у него чахоточные, темные; рот большой, белая тонкая шея, со впадинами за ушами, закута-на розовым гарусным платком жены. Он недавно женился на дочери винокура, но уже соскучился с женой и ходит по вечерам к соседу, к Никифору: заставляет его рассказывать сказки и были, плохо слушает, но дарит за работу то гривен-ник, то двугривенный.

Никифор - мужик еще молодой, но сумрачный. Как по-пал он в сказочники, ему самому непонятно. Началось с шутки: рассказал однажды какой-то пустяк, а барину по-нравилось, - смеясь, он дал на полбутылки и, зайдя на дру-гой день, потребовал нового рассказа. Пришлось вспоми-нать всякую чепуху, порою выдумывать что попало, порою брать на себя всякую небылицу. Притворяться балагуром, сказочником неловко, но неловко и сознаться, что нечего рассказывать. Да и как упустить заработок? Все-таки не всегда засыпают голодными ребятишки, закусишь и сам иной раз, купишь табаку, соли, мучицы, а не то, как вот нынче, крупы, яиц.

Никифор сидит за столом, насупясь. Надо рассказывать, а ничего не придумаешь. Держа в зубах трубку, вытянув верхнюю губу, глядя в землю, он до зеленой пыли растирает на ладони над кисетом корешки, выгадывая время. Барин ждет спокойно, но ждет. Хворост под чугуном разгорается, но свет держится только возле печки; уже не видно визжа-щих ребятишек, смутно и лицо барина. Однако Никифор не поднимает глаз, боясь выдать свое раздражение. Рассказы-вать нечего, но раздражение помогает. Притворяясь думаю-щим, он медленно, невыразительно начинает:

- Старые права были хитрый... Вот так-то поехал один мужик за дровами в лес, дело было, конечно, зимой, самый холод ужасный, и встречается с барином... У мужика, ко-нечно, лошадь плохая, и барин попался злой. Ну, встречает-ся с ним, кричит: "Сворачивай с дороги..." Снег был глубо-кий, мужик с дороги не сворачивает, говорит: "Куда ж мне сворачивать? вы, говорит, на тройке, а я на одной, да еще с возом..." Барин вскакивает, сшиб его с ног долой, давай ку-тузкой гладить... Отгладил раз, мужик отвечает: "За вами, говорит, должок". Барин глядит, что такое он буровит, ду-рак, мол, опять его кутузкой... И он его четыре раза порол, этот самый барин... Потом бросил его пороть и говорит на кучера: "Ну, он, верно, дурак, ну его к черту, сворачивай..." Поехал, значит, своей дорогой, а мужик своей. Приезжает домой, "ну, говорит, девка, вряд жив буду; избил барин, вся тело синяя..." Мужик этот шесть недель отлежал от сильно-го удара...

Что дальше, Никифор не знает и, выгадывая время, насы-пает трубку. Затем продолжает:

- Выздоровел, конечно, а он был плотник, и сбирается в дорогу. Положил в мешок рубанок, аршин, топор... А ба-рина этого была фамилия Шутов. Шел, шел, приходит, спра-шивает, где такой-то барин проживает... Всходит на двор. Лакей выходит, говорит: "Вы плотник?" Говорит, плотник. "Вас, говорит, барин требует". Приходит к барину. "Вы, го-ворит, из рязанцев?" Мужик отвечает: "Так точно". "Вы, го-ворит, откуда?" - "Я, говорит, Танбовской губернии, Ря-занского уезда". - "Вот мне нужно дом сделать". Ну, конеч-но, договорились ценой, - за двести рублей. Написали между собой расписку, дал пятьдесят рублей задатку... А у него был лес свой, у барина у этого... "Ну, говорит на бари-на, как бы ним съездить посмотреть лес этот.... Велели за-прячь, сели, поехали. Приезжают. Мужик этот самый и го-ворит кучеру: "Ты, говорит, ступай на опушку, а мы тут бу-дем стоять". Кучер отправляется, а мужик подходит сейчас к дереву, расколол ее топором, затесал клин и загнал в тре-щину...

Тут Никифор нагибается к трубке и поспешно закурива-ет, стараясь не глядеть на барина, растянувшего рот в лас-ковую, наивную улыбку. Табачная пыль в трубке горит си-ним огоньком. Никифор тушит его пальцем, пускает дым и кашляет.